

Уильям Генри Дэвис

автобиография
СУПЕРБРОДЯГИ

Уильям Генри Дэвис

Автобиография супербродяги

«Ад Маргинем Пресс»

1918

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

Дэвис У.

Автобиография супербродяги / У. Дэвис — «Ад Маргинем Пресс», 1918

ISBN 978-5-908105-32-3

Уильям Генри Дэвис (1871-1940) — знаменитый валлийский поэт и писатель из народа, «профессиональный» бродяга, много лет проведенный в скитаниях и перебивавшийся случайными заработками. «Автобиография супербродяги» (1908) принесла автору оглушительный литературный успех, не оставив равнодушным даже маститых писателей: Бернارد Шоу откликнулся на «Супербродягу» ярким эссе. Книга была написана всего за шесть недель и вместила в себя шесть лет бродячей жизни. Действие происходит по обе стороны Атлантики — в Англии, Ирландии и Америке. Дэвис открывает перед читателем антимир: жизнь вне классических рамок и необходимости подчиняться законам социума. Похождения героя приходятся на 1893-1899 годы, однако ключевые события того времени словно обходят его стороной. Бродяга живет вне новостей и политики. Главные его заботы — поиск ночлега, пищи, выпивки, обуви и одежды. Главная его ценность — свобода шагать по дороге куда ему вздумается. «Автобиография» Дэвиса предвосхитила многие художественные явления XX века: страннические книги Дж. Оруэлла, литературу «битников» — в частности, Дж. Керуака, «Москву — Петушки» В. Ерофеева, дала название рок-группе Supertramp — и не теряет актуальности как образец эскапистской литературы. На русском языке издается впервые. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-908105-32-3

© Дэвис У., 1918

© Ад Маргинем Пресс, 1918

Содержание

Предисловие	7
Автобиография супербродяги	12
Глава I	12
Глава II	16
Глава III	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Уильям Генри Дэвис

Автобиография супербродяги

Переводчик

Иван Булга

Автор послесловия

Георгий Велигорский

*Ad***M***arginem*

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

Предисловие

С первых строк спешу заверить читателя, что неисправимого супербродягу, автора этой удивительной книги, я не знаю лично. Если же провозглашать и развивать его тезисы, получится, что британская мораль – ханжество, британская степенность – выдумка, а трудолюбие – порок. Не исключаю, что так оно и есть, хотя еще не составил мнения на этот счет, но вышвыривать национальные добродетели в окно только по прихоти какого-то бродяги, это, пожалуй, слишком.

Надеюсь, читатель еще не пришел к выводу, что держит в руках интригующий роман о жизни дна или скандальную хронику. В автобиографии мистера Дэвиса нет ни абзаца, который притянул бы на сенсацию; скорее уж на таковую потянет адресная книга. Иной, менее наивный бродяга и не подумал бы, что всё это стоит записывать, ведь подобные события случаются с любым из нас.

Что касается скандальности, даже такой в высшей мере тактичный автор, как я, не написал книги более невинной. Ее целомудренные страницы не осквернены тем чудовищным обкорнанным языком, на котором изъясняются пролетарии со страниц Редьярда Киплинга и прочих модных писателей. В мире мистера Дэвиса жители ночлежек и притонов спорят с изысканностью Сократа и ведут рассказ в духе Тацита.

Их пристальный, поистине писательский взгляд на мир по-детски свеж – чудо, подвластное лишь тем, кто по-прежнему способен восхищаться и гордиться словом, промолвленным или написанным, особенно написанным.

Даже я, при всём писательском мастерстве, ни за что не приправил бы *savoir vivre*¹ знающего жизнь светского человека, не говоря бродяги, со столь неуловимым мальчишеским обаянием. Авторский стиль настолько целомудрен и безукоризненно деликатен, что «Автобиографию» можно смело читать вслух в доме престарелых, не боясь оскорбить шепетильную старость. А молодость... молодость переварит всё.

Безнравственность затронутых материй потрясает, но безнравственность эта исключительно техническая. А на ту безнравственность, которая приводит в ужас школьных учительниц и дуэний, то во всей книги нет ни единого намека, что бродяга понял бы, о чем речь. Более того, я явственно вижу, как мистер Дэвис умирает от стыда, получив заказ написать книгу вроде «Адама Бида»² или «Дэвида Копперфильда».

Несколько слов о том, как книга оказалась в моих руках. В 1905-м я получил по почте сборник стихов некоего Уильяма Г. Дэвиса. На конверте значился адрес «Ферма, район Кеннингтон». Я удивился: разве в Кеннингтоне остались фермы? Мне и в голову не пришло, что такие говорящие названия, как Пастушьи тропы, Соловыиные перелески, Сланцевый парк и менее говорящие Бетнал Грин и Холборн – никакие не фермы и не тропы, а народные названия приютов для бедняков или ночлежек, короче говоря, гостиниц до шести пенсов³.

Я не удивился, обнаружив среди почты стихи. Малоизвестные поэты пишут мне в среднем раз в неделю, но, даже набив оскомину и огрубев душой, я до сих пор, зная, сколько подобная книжица значит для ее автора, не могу отбросить ее без чувства вины, избыть которое мне

¹ *Savoir vivre* (франц. умение жить) – понятие, означающее культуру хороших манер и социальный такт. – Здесь и далее примечания переводчика.

² «Адам Бид» – роман английской писательницы Джордж Элиот (1859).

³ До введения десятичной денежной системы в 1971 году один британский фунт равнялся двадцати шиллингам, один шиллинг – двадцати пенсам, один пенс (пенни) – четырем фартингам. Золотой фунт назывался sovereign. Пять шиллингов составляли одну крону.

помогает беглый взгляд на открытую наугад страницу в слабой, но неискоренимой надежде встретить что-нибудь стоящее.

Иногда к книге приложено письмо. Писчая бумага и живой человеческий почерк порой сообщают мне о классе и роде автора не меньше, чем переплет, шрифт и даже имя издателя. За ними я угадываю Кембридж или Оксфорд; Мейда-Вейл⁴ или Вест-Кенсингтон; Эксетер, Озерный край или восточное побережье; ньюдигейтского лауреата⁵, романтического еврея, юную деву, робкого сельского священника и так далее и тому подобное, и так до бесконечности.

Однако на книге мистера Дэвиса мое воображение дало сбой. Я не смог его классифицировать. На обложке и под ней не было ни самопохвал автора, ни похвал издателя, ни имени издателя из тех, кто обычно занимается малоизвестной поэзией. Казалось, поэт просто проходил мимо типографии или писчебумажного магазина, увидел открытую дверь, зашел, подал рукопись и заказал книгу, как заказывают ботинки.

«Цена полкроны» – значилось на книге. В приложенном письме меня любезно просили переслать автору полкроны, если я сочту книгу достойной этой цены; если нет – вернуть книгу обратно. Такая простота и искренность подкупали. И почерк: изящный и своеобразный, каким, должно быть, писали Шелли или Джордж Мередит. Я открыл книгу и изумился еще более: трех строк было достаточно, чтобы понять: передо мной поэт, и поэт подлинный. Стихи не пыжились ни избыточностью, ни современностью; казалось, их автор не читал ничего позднее Купера и Крэбба, в том числе Байрона, Шелли или Китса, не говоря о Моррисе, Суинберне, Теннисоне, Хенли или Кипплинге⁶.

Всё свидетельствовало о том, что автор остановился на хрестоматии для начальных классов. Результат – отсутствие литературной пошлости, что само по себе – глоток воды в пустыне. Со страниц мистера Дэвиса на меня глядела подлинная невинность, слагающая незамысловатые стихи о всяких мелочах, притом живущая в мире, где не заморачиваются такими мелочами, как поиск издателя, и потому заказавшая книгу у соответствующего мастера, чтобы продавать ее вразнос, как любой товар.

К тому же, очевидно, бедняк. Я ужаснулся, представив бедняка, который тратит свои жалкие сбережения на издание того, что никто не купит, а именно – поэзии. Я вспомнил о Браунинге, который чуть не покинул родину, когда инспектор обложил налогом его якобы баснословные поэтические гонорары.

Я вспомнил о Моррисе, который даже после выхода «Земного рая»⁷ оценивал свой годовой доход в сотню фунтов. И понял, что – святая простота – этот человек верит, будто поэзией можно прожить, словно это лавка или аукционный дом. И посему, закрыв книгу, я не выбросил ее, как предшественник, а честно написал автору о том, что поэзией ему не прожить, в постскриптуме добавив, что покупаю несколько экземпляров, которые советую разослать знакомым ему критикам и ценителям стихов. Отправив письмо, я стал с любопытством ждать, смогут ли те отличить подлинного поэта.

И они смогли. Совсем скоро в одной из лондонских газет я встретил восторженный отзыв о книге и интервью с автором, из которого выяснил, что в прошлом он бродяжничал, что «Ферма» – это название ночлежки и что два обстоятельства отрезали поэта от обычного трудо-

⁴ Мейда-Вейл – викторианский район Лондона, в те времена, впрочем, как и в нынешние, роскошный, модный и процветающий. Вест-Кенсингтон – район Лондона, в те времена – быстроразвивающийся район для среднего класса. Эксетер – город на юго-западе Англии, в те времена консервативный культурный центр.

⁵ Премия сэра Роджера Ньюдигейта присуждалась с 1806 года студентам Оксфорда за лучшее стихотворение.

⁶ Уильям Купер и Джордж Крэбб – крупные английские поэты XVIII века; Моррис, Суинберн, Теннисон – классики XIX века;

⁷ «Земной рай» – эпическая поэма Уильяма Морриса, написанная в 1866–1870 годах, в которой поэт пересказывает греческие и скандинавские мифы.

вого пути. Первое: во время скитаний он лишился ноги и теперь ходит по миру на оставшейся; второе: мистер Дэвис – человек независимых средств, *rentier*⁸, одним словом, джентльмен.

Масштаб этой независимости, если быть точным, составляет десять шиллингов в неделю. Считая такое богатство избыточным, мистер Дэвис распорядился отдавать двадцать процентов в помощь бедствующим друзьям в родном городке, большую часть основной суммы сберегал для издания книги и кое-как перебивался на остаток. Я полагаю, моя покупка восьми сборников позволила ему на три месяца расслабить пояс. Этой же покупке я обязан честью (а иначе я жест поэта не расцениваю) прочитать его автобиографию в рукописи. Сегодня рукопись стала книгой, которую может прочитать каждый.

Я прочел ее от корки до корки и читал бы дальше, если бы не тот факт, что книги заканчиваются – и это наилучшая рекомендация, какую я могу дать. Вся книга – ровный, безмятежный, неприкрашенный рассказ о жизни и быте бродяг. При этом угол зрения весьма своеобразный. Не будь автор невероятно чутким и тонким поэтом, я объяснил бы необыкновенную безмятежность повествования чудовищной черствостью.

Допустим, продолжаю я с некоторым раздражением, но позвольте, он же не омар и не ящерица, чтобы о потерянной ноге писать словно об отброшенной клешне или хвосте, будто на следующем привале он отрастит новую! Случись такое со мной, глава несомненно начиналась бы словами: «И вот я подхожу к событию, в корне изменившему мою жизнь, погубившему <...> и т. д. и т. п.»

В книге мистера Дэвиса неожиданности, как и следует из их названия, случаются неожиданно и пугают читателя так, словно произошли на его глазах. К счастью, подобная трагедия произошла лишь однажды, полдюжины подобных эпизодов – и на книге появилась бы пометка «Не для чувствительных особ».

Везунчик наш супербродяга или неудачник – большой вопрос. Конечно, поэтический дар – величайший подарок Судьбы, но такой подарок редко играет на руку, гораздо чаще повисает непосильным бременем на шее и тянет в могилу. Конечно, ему повезло быть независимым при своих десяти шиллингах, достаточных для надежды и борьбы и недостаточных, чтобы придать пятой мещанства, до срока заманить под венец или отдать в лапы врачей. Да... и чтобы починить зубы... и иметь запасную пару ботинок на случай дождя.

В чем-то ему ужасно не везло. Каждый наделенный воображением мальчишка в своих мечтах – злодей, грабитель и разоряющий во имя того величия, которое глядит на него с романтических страниц истории. Но не каждый попадает. К несчастью, мистер Дэвис не раз оказывался в полицейском участке, предстал перед судьями и ранами своими исцелил наши прежние беззакония: мои и еще нескольких миллионов моих добропорядочных сограждан.

Ему кромешно не везло. Думая о его судьбе, я поневоле ощущаю свое нравственное превосходство, ибо в единственном случае, когда я мог оказаться за решеткой, полицейские не дали делу (о поджоге) ход. Мне повезло дважды: первое, я поджег имущество джентльмена, в котором развитое чувство юмора чудесным образом сочеталось с состраданием; второе, он отпустил меня, выслушав непопугавшую остроумную речь. Поразительно, как многое зависит от вмешательства или невмешательства полиции, хотя к вопросам морали это, разумеется, не имеет никакого отношения.

В своей неподражаемо скромной манере мистер Дэвис рассказывает читателю о том, как воровал, попрошайничал и пил. Что ж, мне тоже случалось воровать и попрошайничать, а то, что я не злоупотребляю, – лишь следствие разделения труда в семействе Шоу, некоторые члены которого пили за десятерых.

⁸ *Rentier* (франц.) – *рантье*.

Однако приюты для нищих и судебные скамьи я всё же обходил стороной и сегодня читаю неудобные признания мистера Дэвиса – истинного поэта невзирая на лица и певца подобных приютов – с невыразимым чувством превосходства.

«Супербродяга» открыл мне еще и то, что всю жизнь я был рабом условностей. Стоит мне подумать, сколько лет я покорно гнул спину, в то время как мистер Дэвис, этот трубадур нашего времени, вольной птицей порхал с крыльца на крыльцо – сразу чувствую себя обманутым и лишенным естественного права на свободу.

И как жаль, что в самом начале литературного пути мне не встретился тот бродяга, который, словно Евангелист – Христианину⁹, явился мистеру Дэвису в первый же день его американского пути пилигрима и уже на краю трудовой кабалы спас его: научил не заботиться о завтрашнем дне, научил просить (и дано будет), научил стучать (и отворят) и уберег от расхожего буржуазного заблуждения, будто для поездки на поезде необходим билет. Пусть каждый юноша, открывший эту книгу, накрепко усвоит преподанный в ней урок, и когда родители или опекуны начнут толкать его на путь самоотречения и изнурительного труда под предлогом, что нужно зарабатывать на хлеб, пусть вспомнит о радушных просторах Америки, где фермеры встречают каждого бродягу млеком и медом и готовы усыновить любого, кто хоть немного поэт.

А как много я почерпнул из этой книги о местах для ночлега! Мне всегда хотелось узнать, как путешествуют бедные, ведь ясно: даже те гостиницы, которые в Бедекере значатся как «скромные», не говоря о всяких ризах и метрополях, им не по карману. Где найти пристанище, если к вечеру осталось шесть пенсов? Читайте мистера Дэвиса. Он ответит, он научит.

Важно заметить, что автор не потакает буржуазным иллюзиям о мире бродяг. Он точно не вдохновлялся «Лавенгро» и не черпал свои познания из цыганских записок Теодора Уоттс-Дантона¹⁰. Во всей «Автобиографии» нет ни слова о бродяжьей чести, наоборот, как утверждает автор, либо у вас в карманах ветер и потому ваша жизнь никому не интересна, либо уже этой ночью вас ограбит и убьет попутчик.

Бродяга мистера Дэвиса дерзок и изощрен, он знает жизнь и умеет держать себя в руках. Но за сход с орбиты и вольность от трудового предопределения он дорого платит: его гложет бесконечная забота, чем занять время, и не отпускает замешательство, что Сила жизни, которая находит занятия для других людей, оставляет его в стороне. Не поэтому ли мистер Дэвис отложил суму и взялся за перо, выкраивая средства для издания своих книг из восьми шиллингов в неделю. И это притом, какие невиданные возможности на нищенском поприще открывала потеря конечности!

Уильям Генри Дэвис – состоявшийся поэт.

Он уже не обивает пороги типографий и не торгует стихами вразнос, его публикуют, он получает прессу. Получает ли он материальную выгоду – осмелюсь усомниться. То, что «Губитель душ» и «Новые стихи» останутся в вечности, – сомнению не подлежит, другой вопрос, сумеет ли мистер Дэвис прожить, если что-нибудь случится с его восемью шиллингами в неделю. Не потому ли он и решился написать и издать свою биографию, тем самым укрепив репутацию «пишущего человека»? Его стихотворный дар отточен, но эта книга, изданная без купюр, избежавшая академического скальпеля коммерчески успешной словесности, достойна скрупулезного изучения за один лишь стиль.

Стиль настолько скромный, что сам себя не похвалит, а потому для привлечения внимания друзья и издатели нашего супербродяги рассудили подыскать трубача. Ради Уильяма

⁹ Христианин, Евангелист, млеко и мед – отсылки к «Путешествию пилигрима в небесную страну», книге английского писателя и проповедника Джона Беньяна (конец XVII века).

¹⁰ «Лавенгро. Ученый, цыган, священник» – полужизнеописательский роман Джорджа Борроу (1851), в центре которого молодой интеллигент, лингвист и бродяга Уолтер Теодор Уоттс-Дантон (1834–1914) – английский поэт и поэтический критик; изучал быт и верования цыган восточной Англии.

Дэвиса-поэта трубачом согласился стать ваш покорный слуга. Но довольно, оттрубив в своей характерной манере, я откланиваюсь и уступаю подмостки автору.

Джордж Бернард Шоу

Автобиография супербродяги

Глава I Детство

Я пришел на свет тридцать пять лет тому в трактире под названием «У Церкви», в городе Н., в графстве М. Трактир содержал мой дедушка, коренной корнец, морской капитан в отставке – пьяный ли, трезвый ли, дедушка не упускал возможности с гордостью поведать всякому о том, что является судовладельцем (упомянутым судном была маленькая шхуна). В то время почтовый пароход «Принц Уэльский» еще ходил между Н. и Бристолем, где жила бабушкина родня. Дело в том, что бабушка была родом из Сомерсета и часто ездила куда-то под Гластонбери к трем незамужним двоюродным сестрам, чей молодой родственник обрел некоторую популярность на сцене под именем Бродриб. Бабушка строжайше осуждала подмостки, так что, несомненно, дамы жестоко критиковали молодого человека и только ради кровного родства не записывали его в безнадежные грешники.

Мое первое воспоминание: мы с дедушкой и старшим братом идем в Бристоль на «Принце Уэльском», а потом еще и еще. Столь частыми поездками мы, по-видимому, были обязаны дружбе двух морских волков, так как дедушка неизменно принимал деятельное участие в навигации и отлучался с капитанского мостика только для того, чтобы освежиться в кают-компании.

В один из таких рейсов мы попали в жестокий шторм; под натиском ветра и волн «Принц Уэльский» угрожающе кренилась – как истинный потомок моряков, согласно морскому обычаю я называю корабль в женском роде, – стремясь обрести покой в пучине. Тогда старик помог капитану «Принца Уэльского», да так, что оправившись, пассажиры провозгласили дедушку спасителем их душ и возблагодарили за сохранность судна. Ничего удивительного, что в ту ночь мы возвращались домой необычайно долго: дедушка то и дело останавливался и нарушал тишину уснувшей улицы зычным гласом, обращенным ко всеобщему равнодушию:

– Да известно ли вам, кто идет?

Капитан Дэвис, судовладелец!

Не знаю, трепетала ли от грозного возгласа полиция или просто знала дедушку как почтенного человека с некоторыми особенностями, но даже я, несмотря на юные годы, вполне осознавал, что стражи порядка эскортируют бывшего капитана домой, словно лоток с яйцами – почтительно и крайне бережно.

Увы! Под старость лет «Принц Уэльский» совсем впала в детство. Ни с того ни с сего мешкала на открытой воде, словно назло приливу и сотне встречающих, собравшихся на мосту над пристанью. Ее кошки-мышки с приливами, непредсказуемые смены курса, внезапные появления в реке вслед за слухами о гибели быстро стали предметом пересудов по всему городу. В конце концов все настолько привыкли к ее сумасбродствам, что потеряли к ним всякий интерес: опоздала, но благополучно дошла – и слава Богу. Всем стало всё равно: дремлет ли она в тумане или уже вторые сутки отдыхает на илистой отмели; как бы она ни шла, она шла слишком осторожно, чтобы разбиться, и слишком медленно, чтобы рассекать волны, предоставляя им просто перекатываться мимо. Бежали годы, пока старушку не списали и не продали, швартовочное место опустело и пусто до сих пор. И сегодня, проходя по мосту, я с нежностью смотрю на осиротевший причал, вспоминая прошлое. После того как «Принц Уэльский», обвиненная в неподчинении капитану и экипажу, безалаберности и неисполнении долга, была отправлена на пенсию, ее капитан, разлученный с любимой, несколько месяцев

промаялся на берегу и умер. Его любовь была крепка, но и ему было нечего возразить на обвинения против любимой, отбившейся от рук настолько, что и две дюжины лучших матросов не смогли бы вернуть ей прежнюю пунктуальность. Ходили слухи, что новые владельцы перевели ее в Средиземное море, и это, с учетом возраста, пошло бы ей на пользу, ведь Средиземное море – не Бристольский залив и пространства для маневров в нем хоть отбавляй.

Но, вероятно, всё это досужие домыслы, гнусная насмешка над старостью, ибо версия, слышанная мной от очевидца, гласит, что старушку отогнали в укромную заводь устья, где с нее бесцеремонно сняли железо, а деревянные части сожгли. Как бы то ни было, о корабле, еще несколько лет назад слышавшем гордостью нашей реки, сегодня почти не вспоминают.

В отличие от тех, чье детство прошло в более семейной обстановке и кто перед сном пил какао или чай, я, рожденный в трактире, с ранних лет узнал вкус спиртного, то и дело получая пару капель пивного глинтвейна на сон грядущий. Поэтому, сколько с тех пор себя помню, стимул, чтобы выпить, мне требуется очень малый.

Наконец старики, устав и накопив некоторый капитал, зажили в свое удовольствие.

Отца я совсем не помню, после его смерти мать вышла замуж во второй раз, к большому огорчению стариков. Поскольку все их дети умерли, они предложили взять на воспитание трех внуков, то есть нас, на что мама сразу же согласилась, прекрасно понимая, что нам будет только лучше. Так мы начали жить вместе: дедушка, бабушка, я, мой слабоумный брат, сестра, горничная, собака, кошка, попугай, голубка и канарейка. Я часто вспоминаю о тех безоблачных днях и сожалею, что мертвым уже не услышать моих благодарностей – заслуженных и запоздалых.

Началась школа, в которую – злостный прогульщик – я ходил под конвоем горничной. Несмотря на маленький рост, я был физически развит и дрался так часто, что многие родные прочили мне будущее профессионального боксера. Второй дедушка и дяди по маминой линии были горячими поклонниками кулачных боев, в которых имели широкие познания, основанные на богатом личном опыте. Больше всего на свете их радовало, когда я приходил к ним с подбитым глазом или расквашенным носом – тогда они принимались самозабвенно учить меня маленьким хитростям борьбы против того, кто имеет преимущество в росте и весе. «Характер в нем, несомненно, есть, – сходились они. – Остальное приложится. Не было бы характера, не помог бы никакой опыт. А с таким характером сам черт ему не брат».

В городе я дрался без пиджака, за городом снимал и рубашку. По школе мы разгуливали эскадрой – десяток или полтора мальчишек, идущих в кильватере. Нет нужды говорить, кто был флагманом: отличный прыгун, я мастерски перемахивал канавы, что требовало предельного хладнокровия. За мной, чуть менее успешно, канаву перемахивали еще двое или трое; остальных, робко застывших у воды, мы вдохновляли издевками и шпильками.

Многих из них потом вытягивали за волосы и в таком состоянии отводили обратно в школу.

В итоге учительский (а дома и родительский) гнев обрушивался на самого грязного, то есть самого скромного и наименее виновного мальчика, который дольше всех решался на прыжок, снося град издевок. Даже удивительно, что при этом я неплохо учился и легко сдавал экзамены. В выпускном классе меня назначили капитаном школьной футбольной команды и удостоили высокого доверия стать хранителем мяча, которым я, однако, злоупотребил, втайне тренируясь с мальчишками из других школ, после чего Школьный Совет снял с меня полномочия хранителя, оставив при этом полномочия капитана. О, если бы я довольствовался этими невинными почестями и не искал других, гораздо более постыдных, всё сложилось бы как нельзя лучше и школьные годы можно было бы зачесть мне в заслугу.

Увы, именно в последний школьный год я сколотил шайку в составе шести человек, сплошь из отпрысков уважаемых и благополучных семейств. Наша тактика строилась на знании, что продавец снизойдет до подростков, лишь обслужив взрослых. Зайдя в магазин в самый

наплыв посетителей, мы брали с полки какие-нибудь вещицы и делали вид, что внимательно рассматриваем их, тогда как сами поджидали благоприятную возможность их умыкнуть. Если к нам обращался продавец, мы с невинным видом узнавали цену и, получив ответ, незаметно исчезали. За нашу короткую, но гнусную карьеру я разжился невероятным количеством самых разных вещей, таких как краски, кисти, книги, флаконы духов, не говоря о конфетах и прочих кондитерских изделиях, которые нужно было поскорей утилизировать. Наша шайка терроризировала город целых шесть недель – вот что значит хорошо продуманная стратегия и проворство исполнителей. На мою девушку Мэгги, которая привыкла довольствоваться полевыми цветами, птичьими яйцами и (по праздникам) горстью-другой орехов, внезапно обрушился ливень ценных подарков, таких как разнообразные сумочки, карманные книги, флаконы духов, серебряные карандаши, не говоря о сотнях самых разнообразных конфет и пирожных, дававших фору творениям ее матери. Вновь и вновь Мэгги клялась в верности мне и заодно всем моим сообщникам. Те же не раз предостерегали меня от излишнего доверия к противоположному полу. В то время кто-то из них прочитал книгу, в которой героиня предала банду грабителей, и истово убеждал остальных, что душа противоположного пола – потемки, и потому доверия не заслуживает.

От воровства у себя дома я излечился волей случая, который тогда показался мне совершенно удивительным, ни больше ни меньше – вмешательством волшебных сил. Дело было так: бабушка, стоя ко мне спиной, готовила у плиты, над которой висело огромное зеркало. Решив, что лучшего случая для налета на сахарницу не представится, я, недолго думая, схватил внушительный кусок сахара, как вдруг старушка, глядя всё так же прямо перед собой, взвизгнула: «Куда?!» Честное слово, я не мог объяснить, как она узнала, и был так поражен, что отныне в ее присутствии вел себя исключительно честно. Даже когда она отдыхала в кресле, закрыв глаза и несомненно посапывая, мне уже не хватало мужества совершить нечто подобное. Однако на мою удачу вне дома этот случай никак не повлиял.

Однажды мы с лейтенантом¹¹ улизнули с уроков и пошли в город, где принялись претворять в жизнь состряпанные накануне планы. С привычным успехом совершив серию дерзких налетов на кондитерские, мы подняли ставки. Да только ящик сигар оказался крепким орешком: побросав трофеи, мы бежали из аптеки. Еще не отделавшись от испуга, мы решили отыгаться на крупной бакалейной лавке и уже были в шаге от успеха, когда лейтенант выронил флакон духов, и, не обладая достаточной выдержкой, чтобы разыграть неловкость, опрометью бросился в открытую дверь.

Я тут же последовал за ним, догнал его и вырвался вперед. Но народ уже вовсю кричал «Держи вора!» – крик был так ужасен и так быстро летел вслед за нами, что ноги вмиг стали ватными и мы, одеревенев от ужаса, остановились. В пять минут нас схватили и отправили за решетку оплакивать загубленную фортуна.

Мы признались во всём, и вскоре вся наша шайка была арестована. Последовали обыски, в ходе которых наши буфеты, сундуки и письменные столы с выдвижными ящиками распрошались со множеством вещей, опознанных владельцами магазинов.

Мэгги по настоянию своей матери сдала в полицию несколько вещиц и дала показания, тем самым основательно подорвав мое доверие к своему полу уже в те юные годы.

Особенно горько осознавать, что все мы происходили из благополучных семейств. Я уверен, дедушка просил за меня и охотно заплатил бы необходимые двадцать или тридцать фунтов, чтобы спасти меня от порки. Увы! Судьи оказались непреклонными. Мы с лейтенантом получили по двенадцать ударов розгами, наши четыре сообщника, не взятые с полицным, – по шесть. И сегодня, не испытывая особых угрызений по поводу лихой юности, я корю себя за то, что был неблагодарным сыном.

¹¹ Так по-шекспировски автор называет заместителя главаря.

И вот что показательно: не проронив ни слезинки в ожидании порки, я искренне плакал, слушая увещевания школьного учителя. На этом школа для меня закончилась: опасаясь воссоединения разгромленной шайки, взрослые ограничили мою свободу. Погулять меня выпускали на какой-то час, строжайше запретив покидать двор. Кому такое понравится! Потянулись темные зимние вечера у жарко натопленного камина – я либо читал, либо рисовал корабли, брат с сестрой сидели рядом, дедушка по старой моряцкой привычке расхаживал по темному холлу, ежась от холода. То и дело он выходил на крыльцо отметить положение звезд или осведомиться, из каких широт дует нынешним вечером. Сменить галс незаметно от старого моряка у ветра не было ни единого шанса.

Три или четыре раза за вечер дедушка заглядывал на кухню убедиться, всё ли у нас в порядке – так в бурю капитан спускается с палубы, чтобы справиться о самочувствии своих пассажиров. Случалось, бабушка в ответ ворчала: «Посидел бы ты, Фрэнсис, минутку-другую».

«Стоп машина!» – грубовато, но совсем не зло отвечал дедушка, закрывал дверь и снова принимался вышагивать по коридору взад-вперед.

В то время я подружился с мальчиком по имени Дейв – настоящим книгочеем, великолепным (у него хватало смелости) декламатором и чудесным рассказчиком. Все в один голос прочили ему большое будущее. Теперь я знаю, что будущее это пало жертвой его неумеренности, но тогда мы были слишком невинны, чтобы допускать подобную возможность. Именно благодаря Дейву и я сделался читателем, поначалу подражая другу, а потом и впрямь полюбив литературу. Естественно, начал я с дешевых бульварных романов, но очень быстро – быстрее, чем обычный мальчика, – развил в себе художественный вкус.

Глава II

Отрочество

Жизнь взаперти, разбавленная воскресными походами в церковь, саднила: утром и вечером по дороге на службу и назад я видел вольное мальчишеское племя и мучился ужасно. Единственным выходом казалось найти какую-нибудь работу. Подумано – сделано: вскоре я устроился помощником к торговцу скобяными изделиями за пять фунтов в неделю. Мои старики тотчас стали гордиться мной, всю советую изучать ремесло, чтобы, когда хозяин умрет, унаследовать дело. Мой старший на два года брат, который, как я уже говорил, отличался странностями поведения, последовал моему примеру и устроился в крупный швейный магазин. Начать и закончить дело всей жизни брату хватило полдня: его отправили на пристань с огромным тюком одежды для «Бетси Джейн» ценой в два с половиной фунта. Увидев, что «Бетси» пришвартована по центру, мой брат, не отличаясь особой сообразительностью, положил тюк напротив и вернулся на рабочее место. Естественно, хозяин был уверен, что поручение выполнено, пока в магазин не пожаловал сам капитан «Бетси Джейн» с вопросом, почему не пришел заказ? Брат, чья совесть была чиста, без обиняков рассказал всё, отчего глаза слушателей округлились изумленно. В результате брата немедленно уволили, а дедушке пришлось письмо с требованием покрыть стоимость тюка, что было неукоснительно исполнено – старик ужасно боялся преступить закон. Дедушка с бабушкой ни за что не хотели признать то, что знала вся улица, включая маленьких детей: а именно, что их старший внук отличается от прочих мальчишек. Незадолго до описанного случая нам позвонили в дверь, и бабушка оставила брата присмотреть за рыбой на плите. Когда она вернулась, рыбу уже уплетал кот, надежно спрятавшись под кушеткой. На крик пожилой леди: «Френсис, я же велела тебе присмотреть за рыбой!» брат честно ответил (он никогда не врал и делал всё, что ему велели): «Так я смотрел, бабушка, пока кот ее не унес». Растолкуй она ему, что имелось в виду под «присмотреть», да заостри внимание на особом пристрастии кошачьих к рыбе, брат, я уверен, справился бы лучше.

Должна была случиться история с корабельным бельем, чтобы у дедушки наконец открылись глаза на состояние ума моего брата.

Его собственный ум, старческий и не отличавшийся особым блеском, вдруг озарился удивительным пониманием. «Лидия, – сказал он жене. – С нашим внуком что-то не так.

Ты представляешь, он не додумался крикнуть „Эй, на борту!“» На что я, желая проявить умственные способности, осмелился заметить, что в той части причала могло быть несколько судов, и поскольку на каждом могли подумать, что речь идет о них, уместней было бы крикнуть «Эй, на борту „Бетси Джейн“!» Старик застыл, пораженный. «Стоп машина! – воскликнул он. – Отдать якоря, добавки пудинга этому юноше!»

Так как на нашей улице почти в каждой семье кто-нибудь да был связан с морем, дедушка вменил себе в приятную обязанность совершать «навигационную прогулку», сообщая женщинам о ветрах и приливах, благоволящим их мужьям и сыновьям. У одной из них муж ушел в плаванье на барке, которая должна была вернуться три месяца назад и о которой со дня выхода из порта не было ни слуху ни духу. Хорошо зная, что бывает с кораблем и экипажем в таких случаях и потому боясь неловкости, дедушка из раза в раз старался мимо ее дома прошмыгнуть.

Помните Дейва, прилежного паренька, моего единственного друга, делившего со мной все мечты? Он где-то раздобыл старое издание Байрона, и мы оба были пленены личностью великого поэта. Влияние Байрона на Дейва было столь велико, что подчеркивалось даже в церковной детской комнате, где все мы, и мальчики, и девочки, играли под присмотром взрослых. Так вот, пока мы играли в «Утка, утка, гусь», танцевали, пели и весело смеялись, сверкая

белыми зубками – сей юноша, прислонясь к колонне своей тощей (жаль, не такой высокой, как ему хотелось бы) фигурой, кусал губы и хмурился при виде наших забав. И лишь я знал, что все его беды и горести исключительно надуманные, пускай и вызывают определенный отклик, так что даже некоторые взрослые обращают на него внимание. А вскоре Дейв заставил поволноваться уже всех нас. Во время морской прогулки он отбил от компании и целый день бродил по пескам – одинокая фигурка с опущенной головой – и, когда мы его звали, не слышал. Вечером, когда пора было домой, его обнаружили на самом краю пирса: он стоял, устремив печальный взор на воду. К нему тотчас поспешили женщины – аккуратно отвели от края и спросили, в чем дело. Но Дейв только расправил плечи, нахмурил брови, закусил губу и прошествовал во мрак, не проронив ни слова. Вернулся он к самому отплытию. Вскоре Дейву всё это надоело, на меня же Байрон оказал значительно более продолжительное влияние. Впервые в жизни я получал удовольствие от поэзии. Я стал читать Шелли, Марло и Шекспира, оставаясь безразличным к Вордсворту, к которому пришел, лишь изрядно поумнев.

Бабушка, за всю жизнь прочитавшая только «Детей аббатства»¹², за что была строго наказана матерью, то и дело выдавала мне нотации о вреде подобных авторов, настоятельно рекомендуя вместо них «Потерянный рай» Мильтона и «Ночные размышления» Юнга. «Будь мудр сегодня; отлагать безумно»¹³, – вечно повторяла она цитату из последнего. Когда же друг нашей семьи заметил сходство между мной и Джоном Беньяном, старушка растрогалась до слез и только сожалела, что сходство это не простирается дальше внешности.

К тому времени я ходил в подмастерьях у торговца картинными рамами, однако преуспевал не слишком: посвятить себя должным образом работе мешала страсть к чтению. Читал я до глубокой ночи, то есть при раннем подъеме лишал себя здорового сна, который дарит человеку Природа. Будучи юным и самонадеянным и потому всячески стремясь выставить знания напоказ, в то время я демонстрировал некоторые способности, которые позволяли старшим и мудрейшим представителям обоих полов пророчить мне достойную зрелость. Почти ничего не зная о гармонии и совсем ничего – о метрике, я написал стихотворение о ночной буре, которое мой младший друг прочитал перед нашим классом взаимного обучения и ко всеобщему восхищению назвал имя автора. Автор же и не думал останавливаться: несколько раз украдкой сходя в театр, он (то есть я) отважно прочитал перед той же группой этюд под названием «Слово в защиту Сцены». Взрослая часть отары не на шутку всполошилась, оно и понятно: волк в овечьей шкуре; зато ягнята – мои друзья – от дерзкого моего выступления блеяли восторженно и гордо. О том случае доложили бабушке, но не упомянули тему, а так как старушка не потрудилась спросить и у меня, ей было отрадно узнать, что ее внук поразил немалое число прихожан, включая дьякона, к которому бабушка питала особое уважение.

Сколько живу, столько удивляюсь, куда пропал мой дар собеседника: сегодня меня едва хватает занять разговором обычного человека. Видимо, дело в том, что я много лет общался с далекими по духу людьми, всегда предпочитал уйти в свои мысли и принуждал себя высказываться на не интересующие меня темы. Помню соседа по ночлежке, слывшего знатоком книг, болезней, политики, военной тактики и в первую очередь ходячим толковым и орфоэпическим словарем. «Настоящий ученый, не то, что мы с тобой, невежды», – слышал я не раз от прочих жильцов, втайне тешась, что сей превозносимый ими джентльмен, как бы признавая мое умственное превосходство, часто задавал мне вопросы, на которые я, в свою очередь, отвечал в строжайшем секрете, взяв за правило никоим образом не заноситься перед теми, с кем свела меня жизнь. Впрочем, в счастливые времена моего ученичества я редко бывал в гостях без того, чтобы заслужить повторное приглашение, пусть даже первые минуты в чужом доме омрачались моей болезненной робостью. Однажды мы пришли к другу, чьей матери в тот день нездо-

¹² «Дети аббатства» – знаменитый готический роман английской писательницы Реджины Марии Рош (1796).

¹³ Юнг Э. Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии

ровилось, и так замечательно и дружно повеселились, что уже в дверях его отец сказал: «Жена столько смеялась, что совсем выздоровела, получается, вы сэкономили нам деньги на врача». Другой бы на моем месте избавился от робости и обрел уверенность в себе, а нет – получив от них второе приглашение, я настолько испугался завышенных ожиданий, что наотрез отказался, представив, каким ослом буду выглядеть. Однако незаметным в компании меня делает не только робость. Иногда причина в состоянии ума, который на три четверти поглощен сосредоточенностью и не выпускает на волю слова, пока не выстроится весь ход мысли. К тому же я наслушался столько жаргона, что мои рассуждения зачастую прикрывают им свою первоначальную наготу. Вот и получается, что на людях я краснею, бледнею и трачу уйму времени на облечение мыслей во что-либо подходящее. В итоге, так и не дождавшись от меня путного слова, всеобщим вниманием завладевает кто-нибудь из собеседников. На втором году обучения я познакомился с умной и замечательно начитанной девушкой, которая жила в одной из ближайших деревенок. Именно ей после нескольких бесед я отдал на суд свое скромное сочинение. Именно ее поддержка в те далекие годы стала моей путеводной звездой, благодаря которой я прошел над всеми безднами убожества, то и дело отталкивая от руля старшего помощника Спирта, денно и нощно державшего курс на скалы. Именно она, первой среди всех, угадала в моей душе что-то большее, чем просто ум, – что-то, о чем читала и что угадывала в героях книг, но никогда не встречала в живом человеке. Шесть месяцев было отведено нашей дружбе, а потом она умерла. Но ее слова поддержки звучат во мне так, будто были сказаны минуту назад.

Вскоре умер и дедушка – прямодушный, честный, простой человек, всегда готовый оплачивать счета и налоги и больше смерти боявшийся долгов. Еще он ужасно боялся предстать перед судом, хотя трижды перед ним предстал, пусть и не в качестве обвиняемого.

В первый раз его вызвали в суд для осмотра каната, предположительно украденного с корабля – дедушка установил сухопутное происхождение каната, и невиновный был оправдан. В другой раз дело было так: тетка, дедушкина дочь, через заднюю ограду подала глоток спиртного несчастному умирающему с похмелья работяге (на самом деле переодетому детективу) – и дедушка, который в то воскресное утро еще даже не встал с постели, был вызван в суд, где получил за продажу алкоголя в неторговое время крупный штраф, который тотчас оплатил. В третий раз старик переступил порог суда во время процесса надо мной и пятью прочими бедокурами, описанного в предыдущей главе. Дедушке была совершенно чужда всякая фальшь, в нем билось сердце льва. Он утверждал, будто уложил чемпиона Портсмута, однако речь наверняка шла о каком-нибудь пьянчужке, присвоившим себе вожденный титул. Дедушкиной коронной историей, слышанной мной сотни раз, был сказ о хвастуне за тонкой перегородкой трактира. Хвастун всё больше распалялся, слушатели восторженно внимали, дедушка, сколько мог, терпел, но вскоре, потеряв терпение, заглянул за перегородку и рявкнул: «Стоп машина! Помню деньки, когда вы, капитан Джонс, были радехоньки простой ячменной лепешке!» От такого окрика капитан Джонс опешил, но тут же, высунув голову, прошептал: «Тише, тише, капитан Дэвис, это же чертовское удовольствие – покрасоваться в незнакомой компании!»

Шел последний год моего ученичества. Не проявляя никакого интереса к ремеслу и всё больше тяготясь, я с нетерпением ждал, когда этот год закончится и цепи спадут. По окончании срока хозяин убедил меня остаться, пообещав весьма солидное по меркам не достигшего совершеннолетия молодого человека жалование. Однако спустя три или четыре месяца я отыскал предлог уйти. Я мечтал увидеть Новый Свет, но вот беда, бабушка нипочем не хотела подкрепить мою мечту деньгами, что вынудило меня уехать на заработки в Бристоль и вернуться полгода спустя, вслед за известием о смерти бедной старушки. Распушенности, которой я предавался в эти шесть месяцев в чужом городе, вдали от укоризны родных и знакомых, было бы достаточно, чтобы расстроить разум и здоровье любого человека и на время притупить литературное честолюбие. Долго так продолжаться не могло, и лишь бабушкина смерть

и последовавшая за ней смена жизненных обстоятельств отвели меня от края пропасти. От бабушкиного поверенного я узнал, что каждый из трех внуков будет еженедельно получать третью часть дохода от оставшегося после нее имущества. Добрая старушка, с тех пор я прожил на земле достаточно долго, чтобы благодарно вспоминать каждый твой седой волосок. Истовая баптистка, ты принимала в штыки все прочие вероучения, называла театр «подмостками дьявола», презирала вторые браки и ценила меня при жизни так, как я ценю тебя после смерти. Как часто я исполнял свой родственный долг, не чувствуя благодарности, которой ты заслуживала. А ты, моя добрая старушка, так и умерла, унеся на тот свет образ благодарного внука. Прошло тринадцать лет, а я по сей день живу от твоих щедрот, терзаясь и мучаясь моей прежней черствостью... Когда ты умерла, я вернулся к матери и ее второй семье, но за месяц или два измотав всю душу, пошел к поверенному, попросил вперед что-то около пятнадцати фунтов и, полный надежд, отправился в Америку.

Глава III

Мои университеты

В ливерпульском порту я встретил человека, который, проведя в Америке несколько лет и истощив все надежды, в отчаянии вернулся в Англию, и теперь, набравшись новых надежд, заходил на вторую попытку, между прочим, с гораздо большим воодушевлением, чем иные – на первую. Всецело ему доверившись, я услышал от него столь невероятные рассказы об этой стране – о числе этажей в ее высочайших зданиях, называемых небоскребами; о деревянных домах, которые легко перевозятся с одной улицы на другую, так что их обитатели как ни в чем не бывало продолжают готовить, подметать и стирать; об одиночестве ее пустынь и прерий; о победах технического гения над высочайшими горами; о ее славном Юге, благоухающем розами, в то время как Северу и травинки не удастся спасти от снега, – и всё это под одним го до реющим флагом. Я был так впечатлен, что в первый же вечер плавания спустился в крохотную каюту и описал свой первый день в Америке, приправив рассказ обширными страноведческими фактами и различиями между Старым и Новым Светом. Таким образом избавив себя от необходимости писать по прибытии и сэкономив свое будущее время в Нью-Йорке, я запечатал сочинение в конверт и во время захода в Куинстаун отдал стюарду. И лишь спустя несколько лет понял, до чего опрометчиво и глупо поступил. Достаточно было взглянуть на почтовую марку и сосчитать количество дней, чтобы понять: письмо никак не могло прийти из Америки. Да уж, логика – не мой конек.

Плавание пришлось на июнь; вокруг, спокойная, словно река, лежала великая Атлантика. Чтобы заглушить неотвязные мысли о доме, мы пели и танцевали до иступления. Случалось, слева по борту блеснет айсберг, и все бросаются глазеть: пассажиры – восхищаясь невинной красотой; зрящие вглубь моряки – с опаской. А то вдруг навстречу – парусник с полной оснасткой; или – справа по курсу – наш трансатлантический близнец!

Отбросив все условности, пассажиры сходились легко и непринужденно, мужчины и женщины обменивались любезностями, вчерашние незнакомцы становились почти друзьями, чтобы через час, так и не представившись друг другу, разойтись и, возможно, уже никогда не увидаться. Подходя к берегам Америки, мы попали в грозу, такую внушительно-раскатистую, с такими ветвистыми, затяжными молниями, что я был поражен и повержен в трепет. Казалось, в стране великих свершений сама природа управляет более вольной и властной рукой, чем привыкла по нашим крохотным зеленым горам да маленьким уютным долам. Заметив выражение моего лица, свидетельствующее о наступившем конце света, один американец заверил меня (впрочем, ни капли не убедив), что эта гроза – мелочь, и если с Божьей опекой я пробуду в хранимом Им оплоте свободы и законопослушания достаточно долго, увижу и услышу еще и не такое.

С первого дня американцы произвели на меня самое благоприятное впечатление, в дальнейшем всякий раз его подтверждая. Это очень добрый народ, и гордость за свою страну у них в крови. Дальше других в своем американском патриотизме заходит потомок ирландцев, с детства помнящий горькие рассказы родителей – вынужденных беглецов от несправедливого закона, царящего в милом сердцу отечестве. Такой человек относится к жизни всерьез, и его не стоит злить. Нет, право же, не стоит злить ирландцев, тем более что наша совесть перед ними нечиста и мы слишком медлим с полезным для души признанием своей вины. Наиболее положительная черта американского общества, бросающаяся в глаза каждому новичку, – неподдельное уважение к женщинам и то, с каким достоинством сами женщины стараются это уважение заслужить.

В Америке вы не найдете леди, гогочущей за трактирной стойкой над скабрёзными шутками выпивох или глотающей пинту за пинтой за столиком с товарками. Какой бы слабой в

этом отношении ни была женщина в частной жизни, она никогда не проявит свою слабость на людях. И как бы ни трещала по швам семейная жизнь, жена никогда не понесет в суд синяки – улики мужней жестокости, что у нас в старой Англии случается сплошь и рядом. Убить жену в припадке ревности – очень может быть, и это, я полагаю, человечней, чем двадцать или тридцать лет вновь и вновь ставить ей под глазом фонари, а по субботам и праздникам избивать до полусмерти у подножья лестницы, не давая укрыться в спальне, – жестокости, которые нередко в качестве забавных историй впоследствии живописали мне жители лондонских трущоб, всякий раз вгоняя в жгучий стыд.

Горя от нетерпения увидеть как можно больше штатов, я легко позволил ливерпульскому знакомцу увлечь меня с собой в Коннектикут, где жили его друзья. Не задерживаясь в Нью-Йорке, вскоре мы оказались в штате мускатного ореха с десятью долларами на двоих. В то время Америка переживала промышленный спад, и люди массово отплывали к родным берегам с решительным намерением вернуться, когда положение улучшится. Не сумев найти работу сразу и твердо решив больше не зависеть от случайных спутников, я зашел в парк, сел на скамью и стал обдумывать планы на будущее. Если распродать всю кладь – одежду, книги, щетки, – хватит на целую неделю. Значит, хватит и до Чикаго! Обнаружив, что рядом присел незнакомец, я тут же поинтересовался у него, как доехать до Чикаго, будто речь шла о каких-то десяти милях вместо тысячи. Окинув меня удивленным взглядом, незнакомец спросил, действительно ли я решил повиснуть до Чикаго? Как у меня с деньгами, спросил он, заметив на моем лице недоумение. Я отрицательно покачал головой, мол, никак, на что незнакомец сказал: «Аналогично. Что ж, если вы не против, повиснем до Чикаго вместе».

Так я встретил Брама, легендарного попрошайку, который чувствовал себя как дома повсюду на широких просторах Америки: от Тихого до Атлантического океана, от северных провинций Канады до Мексиканского залива. Глядя, с какой виртуозной легкостью он добывает пропитание, я невольно начал презирать физический труд. В этой стране, где еда производится с избытком, где ее часто выпрашивают и легко дают, под чутким руководством Брама я скоро сделался ленивым негодяем, не способным ударить палец о палец. Кокни – идеальные попрошайки. В американском «братстве» нищих их всегда чтут. Их многочисленные таланты, находчивость, изобретательность и чудесно подвешенный язык открывают перед ними двери там, где прочие отступают, и кормят там, где местные попрошайки остаются голодными. Однако Брам, брезгуя их методами, глядел на них свысока. Он был прирожденным попрошайкой и не собирался работать наугад, довольствуясь сегодня тортом, а завтра – корочкой хлеба. Он немедленно выпрашивал всё, что хотел, каждое утро составляя список необходимых вещей и услуг. Ему было проще выклянчить чистый носовой платок, чем стирать использованный, даже если тот был в лучшем состоянии, или выбросить хорошую рубашку, чтобы не пришивать пуговицу. И он действительно выклянчивал и выбрасывал, доводя свое мастерство до какого-то совершенства. Он брезговал носить с собой мыло, но, как настоящий христианин, заходил в первый попавшийся дом и просил умыться, а в холодное утро – еще и горячей водой. Попрошайничество было для него разновидностью искусства, источником неиссякаемого удовольствия. Собственными глазами видел, как, переев бифштексов, отбивных и прочего тривиального изобилия, он начал клянчить леденцы и конфеты, жалуясь, я полагаю, на боль в горле. Даже в такой стране-подростке, как Североамериканские Штаты, можно оказаться в городке с озлобленными жителями – чаще всего такой лежит на путях сообщения между крупными городами – но и тут Брам всегда выходил победителем, по крайней мере, никогда не унижался до жалоб на трудности. Нет такой улицы, говорил он, чтобы на ней не нашлось доброго самаритянина, а поскольку хороший попрошайка постучится во все двери, в конце концов его ждет успех. Возможно, успех ждет в последнем доме, и неудавшийся попрошайка, – это человек без терпения и настойчивости, тот, кто попросту прекращает стучать. Будучи по природе медлительным, Брам делал свою «работу» методично и упрямо. Однажды эта медлительность спасла

ему жизнь. Покинув очередной городок, мы зашли на милю с небольшим в лес, развели костер и легли спать. Здесь следует заметить, что, отходя ко сну, Брам неизменно повязывал шейный платок, и не изменил своему обычаю и на этот раз. Наутро, разбуженный моим пробуждением, он принялся медлительно и вальяжно разматывать шею, как вдруг, к моему ужасу, из складок платка выпал огромный тарантул. Будь Брам человеком порывистым, сдерни он платок, прижатый паук непременно ужалил бы его насмерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.